

*Посвящается Кеннету Джею Лифтону, сильному,
талантливому и полному духа обновления*

В истории возможно все.
Хосе Ортега-и-Гассет

Абсолютно бесполезно искать свое Я, вы его не найдете, но в некотором смысле его можно сделать. Я не имею в виду создание маски... но вы, в итоге, начинаете создавать и выбирать то Я, что хотите.

Мэри Маккарти

Да будет благословен прочно стоящий на земле! Да будут благословенны высоты!

Шеймус Хини

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я размышлял о протейском Я десятки лет. Впервые я задумался об этом еще лет тридцать тому назад, а ряд эссе на эту тему в конце 1960-х и начале 1970-х годов стали первым шагом на этом пути. И хотя с тех пор я почти ничего не писал на эту тему, она никогда не покидала меня.

Данная тема, похоже, в самом деле глубоко волнует людей, ведь это эссе включали в различные сборники гораздо чаще, чем все остальные мои работы. Читатели часто признавались мне, что фокус на многогранном Я, находящемся в постоянном движении, отражает их собственный опыт. При этом несколько человек были крайне оскорблены, даже возмущены этой концепцией. Помню, однажды после моей лекции в Сассекском университете в Англии один из преподавателей обвинил меня в том, что я способствую гибели западной цивилизации. Я же считаю, что протейское Я как раз может помочь людям возобновить свои отношения с культурами — как с западной, так и с восточной, — которые находятся сейчас в тяжелом состоянии.

В ходе всех моих исследований диалоги с друзьями и близкими коллегами стали для меня интеллектуальной подпиткой. Эрик Х. Эриксон, как никто другой, дал мне основу — базовые представления о психологической устойчивости и историческом влиянии. Лесли Фарбер погрузил меня в мир художественной литературы и литературной критики и объяснил, что все это может значить для психологической теории. Дэвид Рисман показал мне глубинные возможности и сложность человеческой психики. На заре исследований вместе с Кеннетом Кенистоном мы изучали новые способы анализа открытости и изменений, а с Эриком Олсоном — главные психологические перспективы в этих областях. С Каем Эриксоном и Джоном Маком я делился разными идеями и представлениями. Николас Хамфри, Джером Брунер, Майкл Баш и Мартин Бергман — все они принимали самое активное участие в моей работе. Многие из этих бесед проходили в Уэллфлите, штат Массачусетс, на встречах по психологии и истории, которые мы с женой проводили с середины 1960-х годов. Среди участников этих бесед были Норман Бирнбаум, Маргарет Бренман-Гибсон, Питер

Брукс, Кэти Карут, Харви Кокс, Ронни Даггер, Джон Данн, Дэниел Эллсберг, Джин Бетке-Эльштайн, Ричард Фальк, Роберт Холт, Джеральд Холтон, Филлис Палги, Ричард Сеннетт, Юджин Вайнер и Говард Зинн.

В последние годы мне посчастливилось тесно сотрудничать с Чарльзом Б. Строзье, ведя с ним непрерывный разговор, поразительный по своей силе и глубине. Работая в нашем «Центре выживания и борьбы с насилием» Майкл Перлман внес огромный вклад в общее дело так же, как и Майкл Флинн, Айла Кон и Лора Симич. В Праге Яна Крчова была моим бесценным помощником и культурным гидом. Я особенно благодарен за активную помощь тем мужчинам и женщинам, чьи интервью приводятся в этой книге. Строзье, Перлман и Кай Эриксон, прочитав эту рукопись, дали мне советы, которые улучшили как саму книгу, так и мое собственное понимание ее.

О диалоге с супругами и детьми редко принято говорить, но я знаю, что он точно существует и полон очень сильной и глубокой любви. Мой диалог с Бетти Джин Лифтон — это непрекращающиеся разговоры на самые разные темы. С моей дочерью, Наташей Карен Лифтон, я беседовал о психологии, а с сыном, Кеннетом Джеем Лифтоном, которому посвящена эта книга, много обсуждал сохранение жизни на планете.

Люси Сильва, моя ассистентка, не только вносила бесконечные правки, но и умудрялась координировать всех, включая меня. Фиби Хосс, редактировавшая мою рукопись, в очередной раз продемонстрировала, что именно она является одним из величайших редакторов нашего времени. А Джо Энн Миллер из издательства «Бэйсик букс» — невероятно мудрым и чутким выпускающим редактором.

Уэллфлит, штат Массачусетс, июль 1993 г.

Глава 1

МЕНЯЮЩИЙСЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ¹

Мы становимся текучими и многогранными. Сами того не осознавая, мы развиваем самоощущение, соответствующее беспокойству и текучести нашего времени. Этот способ существования радикально отличается от того, который был в прошлом, и позволяет нам участвовать в непрерывных исследованиях и личных экспериментах. Я назвал его «протейским Я» в честь Протея, греческого морского божества, способного принимать самые разные формы.

Протейское Я возникает из чувства смятения, из широко распространенного ощущения, что мы теряем психологические ориентиры. Мы чувствуем, что нас швыряет из стороны в сторону — нас окружают неуправляемые исторические силы и социальная неопределенность. Лидеры быстро появляются и столь же стремительно исчезают, и даже когда они рядом с нами, нам трудно поверить в их слова. Мы часто меняем идеи и партнеров, то же самое происходит и с работой и местом жительства. Неизменные моральные убеждения, четкие принципы действий и поведения — мы верим, что все это существует, но где? Как при решении мировых проблем, так и на бытовом уровне (например, при воспитании детей) наше поведение, как правило, носит ситуативный характер и многое решается на ходу. Мы постоянно испытываем противоречивые чувства: нас приучили ценить постоянство и стабиль-

¹ Источники цитат и исследований — см. в примечаниях в конце книги.

ность (приучили как отдельных людей, так и группы и нации, но наш мир и наша жизнь кажутся нам непостоянными и совершенно непредсказуемыми. Мы с готовностью воспринимаем себя как неустойчивых, невротичных или даже хуже.

Но вместо того, чтобы рухнуть под этим натиском, Я оказывается на удивление устойчивым. В ход здесь идет все подряд, и оно продолжает существовать, несмотря ни на что. То, что может показаться тактической гибкостью или просто каким-то сумбуром, на деле оказывается гораздо большим. Мы обнаруживаем, что наше Я эволюционирует и обретает множество возможностей, которые несут в себе не только риски и подводные камни, но и многообещающие перспективы для будущего человечества.

Впервые я столкнулся с этой схемой, опрашивая китайцев в Гонконге в середине 1950-х годов в связи с «реформой мышления» (или «промыванием мозгов»), которой они подверглись на материке. Они описывали ряд изменений идентичности, связанных с их монументальной борьбой с древней семейной системой, знакомством с широким разнообразием западных политических и культурных идей и идеологий, принятием коммунизма, последующими конфликтом с ним и отходом от него, а также воздействием невероятного множества влияний в некоммунистическом мире. Еще более драматические изменения мы наблюдали у студентов японских университетов, которых я опрашивал в Токио и Киото в 1960-е годы в рамках исследования индивидуальной психологии и исторических изменений. Студент, которому было двадцать с небольшим, так описывал свой путь: в детстве во время Второй мировой войны, он обожествлял императора, затем принял демократию и все американское во время американской оккупации Японии, затем вернулся к традиционным японским культурным ценностям, обратился к марксизму и романтическому коммунистическому активизму, прошел через гедонизм с пьянством и беспорядочным сексом и стал сотрудником огромной корпорации (адаптация, сопровождаемая мечтами и фантазиями о том, как однажды он взбунтуется и сбежит из компании и страны в поисках удовольствий и будет бесконечно путешествовать).

Мне предстояло столкнуться с подобными исследованиями уже ближе к дому, когда я изучал (вместе с Эриком Олсоном в на-

чале 1970-х годов) молодых американских профессионалов-новаторов. Эта группа юристов, писателей, художников и преподавателей имела опыт, аналогичный опыту японских студентов, за исключением обожествления императора и иностранной оккупации. Примерно в то же время я брал интервью у ветеранов Вьетнама и участвовал с ними в дискуссионных группах. Они тоже пережили впечатляющую личностную трансформацию. Молодые люди, которые оказались добровольцами на войне во Вьетнаме, — как правило, в основе этого лежали слепой патриотизм, представления об истинной мужественности и тяга к насилию, — смогли быстро осудить эту форму патриотизма и изменить не только свое мировоззрение и политические убеждения, но и отношение и поведение в отношениях с близкими. Они смогли обрести свободу, как выразился один из них, «двигаться куда угодно и чувствовать что угодно».

Протейское Я не сразу проявилось во всем своем многообразии. Оно возникло в определенном социальном и историческом контексте. То, что мы называем Я (всеобъемлющее чувство (или символическое выражение) нашего бытия), невероятно чувствительно к историческому потоку [2]. В жизни китайцев и японцев, которых я интервьюировал, данный поток принимал крайние формы — формы войн и потрясений. Хотя Америка и не переживала столь масштабной катастрофы в двадцатом веке, наша история включала в себя колонизацию и революцию, континентальную экспансию, кровопролитие гражданской войны, массовую иммиграцию, участие как минимум в пяти крупных войнах за пределами территории США в течение этого столетия, непрерывное технологическое развитие и социальные изменения — все это оказало огромное влияние на современное Я (см. главу 3). Ведь эти исторические силы не только манипулируют Я извне, но и формируют его изнутри.

Исторические влияния, способствующие появлению протейского Я, можно проследить до эпохи Просвещения и даже Возрождения на Западе и до Реставрации Мэйдзи в XIX веке в Японии (см. главу 2). Эти влияния включают в себя стремительные исторические изменения, революцию в средствах массовой информации и угрозу вымирания человечества. Во второй половине двадцатого

века все эти процессы невероятно ускорились, что привело к радикальному разрушению прежних сообществ и авторитетных источников. В то же время можно было наблюдать различные способы воссоздания Я в условиях радикальной неопределенности. Именно поэтому протейское Я стало *modus vivendi*, «способом жизни» в наше время. Особенно это касается Соединенных Штатов, и американский протезанизм — главная тема этой книги.

Податливость Я может сохраняться даже в условиях деспотизма, о чем свидетельствует всемирное движение конца 1980-х годов за свободу и расширение человеческих возможностей: демократическое движение в Китае, свержение находящихся под влиянием Советского Союза коммунистических государств Центральной и Восточной Европы (Польша, Чехословакия, Венгрия, Восточная Германия, Румыния, Болгария и Албания), борьба с апартеидом в Южной Африке.

Индивидуальная и коллективная изменчивость проявилась и в изменении советско-американских отношений в конце 1980-х годов, когда крайняя антипатия и взаимная ядерная угроза сменялись общей приверженностью к сокращению запасов ядерного вооружения и тенденциями к мирному сотрудничеству; а также в последующем распаде Советского Союза, на смену которому пришли отдельные независимые республики. Эти радикальные повороты отразились в столь же радикальных изменениях в сознании не только Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, Рональда Рейгана и Джорджа Буша, но и других влиятельных лиц, принимающих решения, и миллионов простых людей в Соединенных Штатах и в бывшем Советском Союзе. За этим последовали ошеломляющие изменения в американском обществе в целом во время президентских выборов 1992 года, включая появление странной, но пугающе многочисленной партии реформ во главе с Россом Перо и, что самое драматичное, победу ранее неизвестной политической фигуры — Билла Клинтона.

Посткоммунистический хаос в Центральной и Восточной Европе — его крайние проявления, война и политика геноцида в бывшей Югославии — отражает нездоровые модели, к которым могут привести масштабные перемены (см. главы 9 и 10). То же самое можно сказать о гражданских войнах и массовом голоде, происхо-

дящих в самых разных регионах Африки. В Америке также сохраняются национальные противоречия и антагонизмы, связанные с экономическими трудностями и безработицей, расовой принадлежностью, ростом преступности и потреблением наркотиков или серьезными нарушениями в таких сферах, как образование и здравоохранение. Эти национальные и международные антагонизмы и сбои — далеко не все; они являются частью продолжающегося процесса потрясений и перемен.

Самое важное, что практически никто не предвидел этих событий. Например, в Чехословакии «революционеры», одержавшие верх, были буквально ошеломлены «удивительно быстрым крахом» коммунистического режима, и были вынуждены «определять и переопределять идентичность государства» [4]. Есть множество причин, по которым мы не смогли предвидеть ни освободительных революций, ни последующих проявлений хаоса, но одна из них — это, несомненно, наша недооценка способности Я к изменениям и перевоплощениям. Признавая это, теперь мы понимаем, что человеческая история становится все более открытой, опасной и непредсказуемой. Также это стало более очевидным для людей повсюду, поскольку средства массовой информации буквально бомбардируют нас трагедиями и достижениями.

Рассмотрим ряд заголовков в одном из номеров газеты «Нью-Йорк Таймс» (от 25 января 1993 года): «От сохранения мира к миротворчеству: ООН сталкивается с новыми ролями»; «Тергуд Маршалл, адвокат, который боролся за гражданские права, умер в 84 года»; «Лидер Югославии угрожает хорватам» и «Балканские переговорщики призывают положить конец последним столкновениям в Хорватии»; «Из-за обмана и отрицания назревает эпидемия: СПИД в Латинской Америке»; «Торговые барьеры Восточной Европы наносят ущерб ее экономике»; «Бентсеном внесено предложение о существенном энергетическом налоге» (новая администрация Клинтона поможет снизить бюджетный дефицит); «Теперь Венгрия добавила свой голос — новые этнические беспорядки»; «США наблюдают за средствами ПВО Ирака»; «Гражданская война в Анголе усиливается, Претория отрицает помощь повстанцам»; «Три смерти в Сомали могут помешать посещению порта европейской группой» (в связи с усилиями американских

военных по доставке продовольствия голодающему населению); «Гватемальские индейцы с радостью предвкушают возвращение из изгнания»; «Израиль готов принять новую группу эфиопов» (потомков евреев, насильно обращенных в христианство); «Германия планирует облегчить некоторым гражданам получение гражданства» (иностранцам, прожившим в стране много лет); «Заключенные Калифорнии добились улучшений лечения СПИДа в тюрьмах»; и ««Долой английский! Пуэрториканцы против законопроекта о языке». В заголовках только за один день можно встретить бесчисленное множество самых разных фрагментов, деформаций и человеческой борьбы, характерных для двадцатого века. Ни одно место на земном шаре не застраховано от этого.

Многолетние наблюдения привели меня к выводу, что прежняя личная идентичность, по крайней мере в том виде, в каком она предполагает внутреннюю стабильность и одинаковость, была основана на видении традиционной культуры, в которой отношения с символами и институтами до сих пор остаются относительно нетронутыми, — что вряд ли было характерно для конца двадцатого века. Если Я — это символ человеческого организма, то протейский процесс формирования Я — это непрерывное воссоздание этого символа. Хотя этот процесс отнюдь не лишен путаницы и опасностей, он позволяет открыть индивидуальную жизнь, Я с его многочисленными возможностями. Как говорит поэт Гэлзуэй Киннелл: «И все мы, и всякая вещь — уже там».

Мифы затрагивают самый широкий пласт разнообразных вопросов мироздания, и мифология сама по себе очень многогранна. Как рассказывает Гомер в «Одиссее» [5], в процессе борьбы Протей оборачивается львом, леопардом, драконом, вепрем, деревом, водой. Протей — не просто хамелеон, он — морское божество, которому приписывалась способность менять до бесконечности свой внешний вид и исчезать бесследно в одно мгновение. Он обладает пророческим даром, который скрывает ото всех, кто не сумеет поймать его истинный облик. Перевоплощение сродни мудрости («Кто из тех, кто слушает поэтов, мог бы научить этому — столь он разнообразен»). По другому мифу, Протей — не морское божество, а египетский царь, «достойнейший среди мужей»,

столп силы и хранитель достоинств. Так, в пьесе Еврипида Протей является защитником Елены Прекрасной и позволяет ей «сохранить целомудрие» [5] для своего мужа Менелая.

Я отнюдь не ссылаюсь на этот миф как на точный ориентир современного Я: у него нет единственной «интерпретации», и трактующие его по-разному понимают смысл. Скорее, я рассматриваю это как некую метафору современного феномена — метафору достаточно сильную, предполагающую сочетание радикальной текучести, функциональной мудрости и стремления к хотя бы минимальной форме. Действительно, мифологическая метафора может навести на мысль, что свободное выражение протеанизма зависит от существования относительно устоявшихся составляющих нашего Я. (С этим принципом я столкнулся вскоре после публикации моего первого эссе на эту тему, когда один из аспирантов воскликнул, несколько эксцентрично, но не без упрека: «Я пробовал быть протейским по своей сути [то есть постоянно меняться], и у меня ничего не вышло!»).

Хотя вариативность — суть протейского Я, у этого Я есть определенные относительно устойчивые черты. Для его функционирования необходима способность объединять разрозненные и, казалось бы, несовместимые элементы вовлеченности и идентичности в то, что я называю «странными комбинациями», и постоянно трансформировать эти элементы (глава 4). В то же время протейское Я должно выдерживать, а иногда и культивировать чувства безотцовщины и бездомности, связанные со сменой авторитетов и наставничества (глава 5). Можно принять психологию выжившего и пройти через символические формы смерти и возрождения, которые способствуют дальнейшему изменению облика. В то же время каждый из нас всегда стремится к определенной форме, заземлению и целостности.

Ирония и самоирония, абсурд и юмор позволяют протейскому Я «смазывать» свои переживания, выражая отсутствие «соответствия» между тем, как мир подает себя, и тем, как он выглядит на самом деле (глава 6). Эмоции протейского Я, как правило, свободно плавающие, не имеющие четкой привязки к причине или цели. Не только индивидуальные эмоции, но и сообщества могут быть свободно плавающими — то есть удаленными географиче-

ски, существующими временно и избирательно, без обещания какого бы то ни было постоянства. Протейское Я имеет непростые отношения с удержанием идей — условие, имеющее большое значение для настоящего и будущего политики, религии и интеллектуальной жизни в целом. Идеологии принимаются, изменяются, отпускаются и снова принимаются, и все это с невероятной легкостью, которая резко контрастирует с внутренней борьбой, которую люди раньше выдерживали при таких переменах. Рабочие паттерны также могут быть изменены — хотя, конечно, на это влияет класс и экономический статус; подавляющее число людей, с которыми проводились интервью в этой книги, в той или иной степени сформировали себя сами. Социальные установки и стили протеста также претерпевают изменения. Порой это бывает отход назад и совершенно непредсказуемые новые утверждения.

Человек стремится к прочным человеческим связям и устойчивым нравственным обязательствам; хотя они тоже могут быть неопределенными и подверженными изменениям, они также склонны обновляться (глава 7). На самом деле, существенный вопрос для протейского Я, на который невозможно дать простой ответ, касается его способности сохранять и воплощать в жизнь моральные принципы в условиях психологической текучести. Ведь в наше время жизненный цикл уже не регулируется формальными ритуалами перехода и склонен к значительной импровизации. Протейское Я, как правило, также осознает исторические процессы и планетарные связи, но не знает, как понимать их и как действовать в соответствии с этим осознанием. Глобальный поиск включает в себя борьбу за более широкие человеческие связи, за привязанности, символизирующие бессмертие — привязанности, выходящие за пределы ограниченной продолжительности жизни. Сначала мы рассмотрим все эти черты в совокупности, опираясь в основном на интервью и литературу (главы 4-7), а затем подробно остановимся на трех примерах, чтобы проиллюстрировать, как протейские паттерны действуют на протяжении всей жизни человека (глава 8).

Этот взгляд на протейское Я основан на многочисленных наблюдениях в Азии, Европе и США в 1950-е, 1960-е и 1970-е годы. Но больше всего я опираюсь на результаты недавнего (1987-1990

гг.) исследования (ядерная угроза и американское Я) [6], проведенного совместно с моими коллегами из Центра борьбы с насилием в колледже Джона Джея при Городском университете Нью-Йорка. Нами были опрошены четыре весьма разные группы — общественные активисты, гражданские лидеры, чернокожие бедняки и христианские фундаменталисты; в основном я использую здесь те интервью, которые проводил сам.² Из этого исследования, как и из других самых разных литературных и художественных источников, я попытался вычлениить и описать специфические протейские характеристики. Я использовал чужие научные и случайные выборки и не претендую на них; я лишь внимательно изучал фактический материал, полученный из самых разных источников.

Во всех этих группах я обнаружил, что хотя протейское Я может перенести много боли и травм в детстве и во взрослом возрасте, оно способно преобразовать эти травмы в различные инсайты, новаторские замыслы и чувство сострадания. Например, молодые американские юристы, которых я интервьюировал в 1970-е годы, проявляли огромное сострадание, работая с бедными и исследуя новые возможности в близких отношениях, и в то же время повышали свою профессиональную грамотность. Точно так же многие из тех, с кем мы беседовали недавно, черпали энергию из собственной боли, все время экспериментируя и импровизируя. Эта ранняя боль, как часть индивидуальной истории, может способствовать тому, что я называю «заземленным воображением» — эта концепция связывает глубокое понимание современных практик с процессом создания новых, подходящих, желательных и инновационных будущих технологий.

Также остается вопрос о протеанизме самого исследователя — американского еврея, психиатра, который примерно в тридцать лет начал интервьюировать китайцев в Гонконге, позже — японских студентов в Токио и Киото, а впоследствии и многих других людей в Америке и прочих странах, и эти люди далеко не всегда были психически больными. Эта личная история (в большей степени, чем может показаться в ретроспективе, окрашенная борьбой

² Имена интервьюируемых являются вымышленными. Кроме того, я изменил некоторые детали, которые не так сильно влияют на суть интервью.

и неуверенностью) началась с того, что после двух лет обучения в психиатрической ординатуре я был отправлен военно-воздушными силами Соединенных Штатов в рамках мобилизации врачей в Японию и Корею, и меня это совсем не обрадовало. Восемнадцать месяцев, проведенных в Восточной Азии, раз и навсегда разрушили мой жизненный план (пусть и достаточно смутный, но никогда ранее не подвергавшийся сомнению); после психоаналитического обучения я собирался сочетать частную практику с преподаванием, но теперь этот план рухнул.

После двух лет службы в рядах вооруженных сил меня наконец демобилизовали. На момент демобилизации я был в Японии вместе с женой, и мы планировали пару лет путешествовать по миру. Но, приехав в Гонконг, мы застряли там на восемнадцать месяцев. Там я смог встретиться и поговорить с китайцами и иностранными гражданами, которые подвергались в Китае промывке мозгов. Я очень заинтересовался этим опытом после того, как во время моего последнего военного задания проводил интервью с бывшими американскими военнопленными, которые подвергались аналогичному воздействию. Через несколько недель, сильно волнуясь, я все же принял судьбоносное решение — обратиться за грантом в фонд, который позволил бы мне остаться в Гонконге для проведения систематических исследований. Когда я вернулся в Америку, мне удалось в течение нескольких лет совмещать дальнейшую учебу с преподаванием, написанием статей и исследованиями, связанными с психологией и историей, которые я проводил в разных уголках мира. Я старался подвергать сомнению общепринятые догмы. Я закончил книгу о промывании мозгов, и мне удалось провести параллели между данным процессом и психоаналитическим обучением, которое я проходил тогда. Сейчас я считаю, что разрабатывая концепцию протеанизма, я одновременно наблюдал широко распространенный феномен нашего времени, осмысляя собственный опыт, связанный с данным явлением.

Протейское Я имеет как минимум три формы выражения. Это последовательный процесс — связь с разными людьми, идеями и задачами, что особенно ярко проявилось в конце 1960-х и начале 1970-х годов, но по-прежнему имеет место пусть и не столь явно (и как устойчивый паттерн) в большей части американской культу-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru